

101 ПРОЗАИК XXI ВЕКА

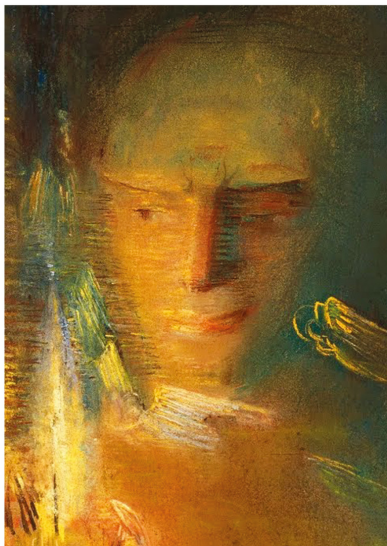
Алексей
Волков

ДВЕРЬ

Я бежал по Чистопрудному, перекинув шарф через плечо. Падал мелкий, сухой и колкий снежок. Недоверчивые и чужие взгляды прохожих провожали меня и уходили в свои маленькие, расписанные до мелочей и чёрточек миры... В правом кармане куртки нащупывался скомканный клочок бумаги. Я знал досконально всё, что было написано на нём ещё полгода или меньше назад: «Отдам автомобиль, квартиру, дачу и пр. в надёжные, а впрочем, в любые руки...» Я бежал по Чистопрудному, перекинув шарф через плечо. Я просто бежал, а отовсюду с нежной и неподдельной заботой на меня смотрели чьи-то единственные, родные и близкие глаза...

Алексей Александрович Волков
Дверь
Серия «101 прозаик XXI века»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59390908
Дверь: У Никитских ворот; Москва; 2020
ISBN 978-5-00170-120-0

Аннотация

Книга посвящена творчеству великого и неповторимого поэта кинематографа Андрея Тарковского. Поэзия прозы в произведениях Алексея Волкова звучит в унисон с поэзией фильмов замечательного мастера. Здесь и бесконечность ароматных рассветов детства, и мама, и вселенная первых запахов, эмоций, впечатлений... Простота детских воспоминаний диссонирует в повествовании с короткими, холодными вспышками из взрослой жизни – при этом всё сложное намеренно описано бегло и пунктирно. Минута становится вечностью для простого, доброго, отзывчивого человека, а целая жизнь превращается в ущербный миг для корыстного, чёрствого, злобного обывателя. На страницах книги нашли свое отражение такие понятия, как дружба, творческое вдохновение, вера в Бога... Ну а Дверь – это символ, подобный Зеркалу, давшему название одному из лучших произведений режиссёра. Символ очень трудно описать и, быть может, понять. Но каждый

обязательно увидит в нём что-то своё – единственное, желанное, бесконечно далёкое и такое близкое...

Содержание

Дверь	6
Камин	25
Яблоко	28
Игра слов (эссе)	30
Спаси и сохрани	30
Запах улиц	31
Фуникулёр	32
Точка	33
Ошибка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Волков

Дверь

© Волков А.А., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Посвящается творчеству Андрея Тарковского

Дверь

Отступающие немецко-фашистские войска становились всё более остервенелыми и омерзительными в своих действиях. Они старались оставить после себя как можно больше страдания и боли, мстили за то, за что их начинания провалились громко и с грохотом, как огромный медный таз в больничном коридоре. Конечно, вся эта гадость проистекала от немногих, ведь простые солдаты и офицеры в основном просто исполняли приказы, но так жаль, что эти немногие сумели испортить так много. Какая глупость, какая бесконечная глупость – завоёвывать мир, ведь мир – это каждый из нас в отдельности и все мы, вместе взятые. Завоевать мир – значит уничтожить себя, отдать наполненность и приобрести бесконечную пустоту.

Мы так боимся упоминать слово «Дьявол», думая, что это некая массивная субстанция, сидящая на кровавых облаках и жалящая взглядом всех и каждого в надежде наказать и уничтожить как можно больше. Но наказывали и уничтожали не дяди с красного облака, не огромный кабан с человеческой головой и рогами, наказывали и уничтожали обычные на первый взгляд люди, христиане, прихожане. Как они могли допустить это? Просто искали не там? Просто забыли, что всё начинается с себя? Просто вспоминали единственное слово «Я» и забывали слово «Мы»? Наверное, просто

думали, что они огромные и важные, а жизнь – бесконечна и неуязвима, просто переоценили, возвысили себя, не понимая, что жизнь – это только короткая вспышка, которая призвана нести свет в будущее, в бесконечность, к Богу, а сами они лишь маленькие песчинки, которых Господь наделил способностью осознавать себя и думать не просто так, а во благо...

* * *

Городские окраины уже полыхали. Слышались отдалённые крики и детский плач. На мостовой кое-где виднелись трупы солдат и животных, обрывки одежды, нагромождения различных предметов. Из пробоин в стенах домов выливались потоки воды, в самих пробоинах просматривались уютные в прошлом жилые помещения с картинами, старинными шкафами, ванными и туалетными комнатами, одинокие старики не спеша перемещались от одной руины к другой, опираясь на палки или уцелевшие фрагменты изгородей.

Удар был неожиданным, никто в городе не предполагал, что крупное, непонятно откуда взявшееся соединение немецких войск окажется в освобождённом советскими войсками городе. Гарнизон был невелик и практически не готов к утреннему вторжению. Солдат расстреливали в постелях и около умывальников, обнажённых или полуодетых. Незначительная часть охраны гарнизона попыталась дать отпор,

но силы были неравными.

Молоденький лейтенант, отстреливаясь, уходил всё дальше и дальше от центра, всё ниже и ниже становилась городская застройка, всё меньше и меньше оставалось сил и патронов в автомате. Перебежав через ветхий мостик над шумящей речкой, он увидел в непосредственной близости небольшой сарай с открытой настежь дверью. Сознавая, что никаких шансов на продолжение боя у него нет, он резко рванул в сторону, забежал в помещение, пересёк небольшую комнату и увидел в конце ещё одну дверь, большую и мощную, с огромным железным запором. Лейтенант нырнул в небольшую каморку и задвинул засов. Уже совсем рядом раздавался топот преследовавших его немцев. Слышно было, что некоторое время они находились в замешательстве, видимо, размышляя, куда так неожиданно мог деться беглец, но после решение было принято, и лейтенант услышал топот людей, входящих в помещение сарая. Совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что рубашка его измазана кровью, которая текла из крупной раны в области живота. Наскоро перевязав её обрывком рукава, лейтенант вдруг почувствовал, что голова его наливается свинцом, а глаза смыкаются с неистовой силой. Он присел на клочок подмокшего сена. В это время преследователи начали выбивать дверной засов. Лейтенант почувствовал, что уже не может сопротивляться усталости и потере крови, закрыл глаза и забылся в чутком, удивительно ясном и прозрачном сне.

Тёплое, разливающееся по всему небосводу сияние солнца обнимало невысокие городские домики. Необыкновенное спокойствие и размеренность царствовали повсюду в этот ранний утренний час. Стояла самая середина лета. Мама, удивительно красивая, в лёгком, воздушном платье, держала на руках очаровательного светловолосого крепыша, который звонко смеялся, и смех его разносился по всем дворам старого центра. Птички в скворечниках и на ветках многочисленных деревьев вторили смеху малыша радостной, воодушевляющей трелью. Воздух был необыкновенно чистым, пропитанным разнотравьем и ароматами бульварной аллеи, на которой расцвело в это время необыкновенное количество различных цветов.

«Смотрите все, слушайте все, нам сегодня полгода!» — кричал с балкона третьего этажа счастливый папа, а мама, немного стесняясь такого бурного проявления радости, просила его кричать чуточку тише. Время как будто встало и застыло. Машины не спешили заводиться и уезжать со своих привычных мест, в выходной день никто не спешил на работу в метро и на трамвай, отдельные любители прогулок по лесам и дачники, потягиваясь, выходили из подъездов с тугими зелёными рюкзаками и удочками.

Мама улыбалась нежной, волшебной улыбкой и тихонеч-

ко трогала малыша за пупочек, тот улыбался ещё шире, понимая, что с ним играют. Зелёная, радостная коляска стояла в стороне. Сегодня папа, мама и маленький сыночек собирались пойти в лес, чтобы насладиться зеркальной гладью овального пруда, посидеть на высоком холме, полюбоваться бесконечными далями, простирающимися за цепочкой перелесков. После этого они обычно шли на территорию старинной усадьбы, где можно было побродить по усадебному парку, насладиться светлой и лёгкой архитектурой усадебных построек. Там же можно было посидеть пару часиков на открытой веранде паркового кафе, отведать вкуснейшего мороженого и ароматного кофе, сваренного на углях. Такие дни запоминались папе, маме и маленькому мальчику надолго, а вернее, на всю жизнь, потому что каждый из таких дней и был целой жизнью – длинной, безмятежной, чистой и радостной.

Когда малыш стал чуточку побольше и уже начал активно бегать и балагурить на разные темы, он вместе с мамой, папой и родственниками стал часто выезжать на отдых в деревню. Для малыша это было настоящее доброе приключение, море эмоций и новых открытий. Больше всего запоминались долгие походы в лес за грибами и ягодами, когда вставать приходилось ни свет ни заря, брать с собой в дорогу чёрный хлебушек, соль и свежие огурцы и уходить на целый день, почти что до самого вечера. В лесу часто устраивали пикники на полянках, где бегали, играли, веселились и ели сладкие,

хрустящие огурчики и ароматные корочки хлеба. После возвращения у всех в теле разливалось приятное чувство здорового и свежего утомления, всем хотелось пару часиков полежать отдохнуть на продуваемой терраске или в клетке. После этого все дружно шли на пруд купаться. Старый барский пруд был окружён ароматными лугами вперемешку с уютными берёзовыми рощами. Под вечер, когда солнышко жарило уже не так сильно, совершенно по-особенному пахла свежая, сочная крапива и огромные лопухи. Вода была тёплая, как парное молоко, а дно песчаное, с хорошим пологим заходом. После купания все возвращались домой, и начинались долгие, уютные посиделки возле террасы дома, а когда темнело, все переходили на террасу. Бабушка приносила двенадцатилитровое ведро со свежеспечёнными пирожками с луком и яйцом, плюшками с творогом, сладкими булочками, в пятилитровой банке всех ожидал домашний с кислинкой квас. А утром папа с малышом ходил в барский парк, в котором за ночь обычно поспевали новые белые грибочки, расположившиеся под дубами, берёзками на опушке, которые радовали глаз своей красотой и безупречной чистотой.

* * *

Детство неспешно перетекло в школьные годы. Это были светлые времена. Мальчик рос, развивался, активно интересовался музыкой и литературой, пытался придумывать

затейливые приключенческие романы и, конечно же, стихи, которые он посвящал любимой маме, любимому папе, лесу, животным, друзьям и всему тому, что видел вокруг. При этом по математике получал одни пятёрки и ещё очень любил занятия по физкультуре.

Однажды, отдыхая с мамой и папой в деревне, он забрался на чердак, на котором находилось множество разнообразных, старинных и не очень предметов: покосившиеся шкафы, столы и стулья, недосчитывающиеся одной или более ножек, мутные, запылившиеся от времени зеркала, швейная машина, одежда, ну и, конечно, множество пожелтевших от времени книжек. Некоторые из них были совсем порванными, и их практически невозможно было прочитать, а некоторые выглядели очень даже неплохо. Одной из таких книжек был сборник стихотворений неизвестного автора. К сожалению, оторвалась обложка и заглавные страницы. Однако сами стихотворения были просто чудесными, сразу проникли в душу маленького мальчика и остались там навсегда. Мальчику всегда казалось, что чей-то удивительный голос, страница за страницей, как будто бы с неба читает произведения этой удивительной книги.

* * *

Поэзия – это не труд,

*Поэзия – это полёт,
В душе разрывается жгут,
Давая движенье вперёд,*

*Часы замедляют свой ход,
Когда ты уже высоко,
Поэзия – это полёт,
Хоть это понять нелегко.*

*Ведь кажется – нужно корпеть
Над рифмами дни напролёт,
Но вы заблуждаетесь, ведь...
Поэзия – это полёт...*

** * **

*Нет ничего сильнее слабых детских рук,
Нет ничего добрее, чем улыбка Крошки,
Он, при рождении пройдя немало мук,
Наш мир преобразяет понемножку...*

*Расти большим и будь собой, Мальши,
Храни в душе великое посланье,
Прости всем нам... Я знаю, – ты простишь
Все слабости и разочарованья...*

Нет ничего сильнее слабых детских рук...

Маме на работе часто давали путёвки, и она вместе с сыном часто ездила по различным городам любимой Родины. Это были и старинные города со множеством архитектурных достопримечательностей, и новые, современные города, построенные доблестными советскими новаторами и первопроходцами Урала и Сибири, Поволжья и Подмосковья.

Время летело быстро. Вот уже и старшие классы школы. Ещё совсем немного, и нужно уже было думать о сдаче выпускных экзаменов. В жизни мальчика появилась удивительная, нежная девушка, которая училась в параллельном классе и с которой ему с некоторого времени стало интересно общаться и встречаться после занятий в школе. От неё пахло весенней свежестью и полевыми цветами, а руки были бархатистыми и напоминали мальчику мамино платье, в котором она забирала его из родильного дома. Говорить с ней было удивительно легко и интересно, а глаза её всегда были наполнены добротой и лучезарным светом. Часто они бродили, взявшись за руки, по очаровательнейшим аллеям городских парков и в пригородах...

Затем мальчик вступил в комсомол, появились неприязни и конфликты со сверстниками, первые недовольства маминым и папиным воспитанием, желание проявлять себя. Пришла осень. Косые ливни ударили по разорванным асфаль-

товым мостовым гроыхающим водяным потоком. Небеса окунулись в свинец. Карканье ворон проникало под исподнее и, казалось, вырывало наружу общее беспокойствие и короткий хмельной всплеск. Уже не девушка с ароматом весны, а другая подруга стала мальчику законной женой, когда им исполнилось по восемнадцать. Институт диктовал свои условия. Было тяжело. Помогали комсомольские связи. Улыбающиеся друзья по ячейке носили под рубахой жёсткий душевный кинжал. Курс за курсом лопались представления и взгляды. Изредка мальчик доставал с полки томик стихов, который когда-то давно нашёл на чердаке в любимой деревне.

Приближался сорок первый год.

* * *

*Отчего ж так сложно просто жить?
Ведь нас самом деле это очень просто,
Нужно с миром ладить и дружить
И любить друг друга без вопросов...*

*Отчего ж так сложно просто жить?
Просто с каждым днём, всё дальше-дальше,
Мы уходим от себя, давая лжи
Правдой называть поступки наши...*

* * *

Молоденький лейтенант, отстреливаясь, уходил всё дальше и дальше от центра, всё ниже и ниже становилась городская застройка, всё меньше и меньше оставалось сил и патронов в автомате. Перебежав через ветхий мостик над шумящей речкой, он увидел в непосредственной близости небольшой сарай с открытой настежь дверью. Сознавая, что никаких шансов на продолжение боя у него нет, он резко рванул в сторону, забежал в помещение, пересёк небольшую комнату и увидел в конце ещё одну дверь, большую и мощную, с огромным железным запором. Лейтенант нырнул в небольшую каморку и задвинул засов. Уже совсем рядом раздавался топот преследовавших его немцев. Слышно было, что некоторое время они находились в замешательстве, видимо, размышляя, куда так неожиданно мог деться беглец, но после решение было принято, и лейтенант услышал топот людей, входящих в помещение сарая. Совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что рубашка его измазана кровью, которая текла из крупной раны в области живота. Наскоро перевязав её обрывком рукава, лейтенант вдруг почувствовал, что голова его наливается свинцом, а глаза смыкаются с неистовой силой. Он присел на клочок подмокшего сена. В окошко справа врывался прохладный воздух и отсве-

ты красных языков пламени. Вспомнилось детство, деревня, пропитанный августовской романтикой лёгкий воздух. Он с папой и мамой гулял на окраине села. Окраина села представляла из себя пологий холм с чередой желтоватых песчаных дорожек, разбегающихся вниз по бесконечному ковру зеленеющих, желтеющих, оранжевеющих и краснеющих полей и опушек лесов. Лес мягким контуром пересекал пространство, внося в очаровательный пейзаж законченность и целостность. Блестела и переливалась гладь совхозной плотины. Вдалеке слышались резкие и бодрые выкрики местных пастухов. Приближалось стадо.

*Волшебные воспоминанья дней
В моей душе живут и дышат,
Вновь мальчик маленький во сне
Под утро голос папы слышит.*

*Волшебные воспоминанья дней
Собрались в пазлы аккуратно,
И нет их чище и родней,
Хоть не вернуть те дни обратно.*

*Волшебные воспоминанья дней...
Путь к Богу? Или вспышка в небе?
Они со мною и во мне...
Везде, где был я и где не был...*

Волшебные воспоминанья дней...

Вдруг резко, контрастно на фоне абсолютной гармонии возникло красивое, но ужасное явление резко вспыхнувшего пожара. Горел один из многочисленных сеновалов. Языки пламени разрезали спокойствие, делая общую картину шаткой и меняющей свой ракурс. Гигантский спящий вселенский корабль проснулся, встрепенулся и зажил новой жизнью. На душе становилось беспокойно.

В это время преследователи начали выбивать дверной засов. Лейтенант почувствовал, что уже не может сопротивляться усталости и потере крови, и закрыл глаза.

* * *

Лейтенант очнулся в абсолютно белом и холодном помещении. Раздавались стоны. Туда-сюда ходили красивые девушки в белых халатиках, бегали растрёпанные врачи с красными от недосыпания глазами. Стоял стойкий запах несвежести. Кто-то склонился над его лицом и на миг согрел теплотой своего дыхания.

«Мама», – прошептал тихо лейтенант.

«Лиза», – послышался в ответ голос незнакомой женщины.

«Где я?» – прошептал вновь лейтенант.

«В госпитале. Всё хорошо. Рану обработали. Жить будете!» – послышался приятный смех.

«Ну и хорошо», – произнёс лейтенант.

Через неделю он был демобилизован в свой родной город, а ещё через неделю война закончилась.

Затем было первое послевоенное лето. Появились новые заботы. Их было немало. В конце лета жена лейтенанта забеременела. В один из августовских дней он вновь впервые за долгие годы взял с полочки свой любимый томик стихотворений.

*Очаровательные дни.
Медовый спас. И лето нежит.
Уже не жарко, и огни
Всё раньше нас неонем режут.*

*Очаровательные дни
Нас успокоят и подлечат.
Пусть скоро кончатся они,
Но точно-точно станет легче.*

Очаровательные дни.

Маленький сынок радовал родителей своей бесконечной чистотой, беззащитностью, беззлобностью, бескорыстностью, безобидностью. Томик стихов говорил теперь уже инженеру и бывшему лейтенанту так:

* * *

*Хорошо, что есть на Свете чистота,
Лишь она – спасает мир и держит,
С ней уходит грязь и пустота
И приходят счастье и надежды.*

*Чистота – обычный ручейк,
Шум листочков, светом напоённых,
И конечно – Божий огонёк
В глазках малышей новорождённых.*

* * *

Хорошие были времена. Но вот уже и сынок стал подрастать, а инженер и бывший лейтенант начинал понемногу стареть. И в этом чувствовалась какая-то законченная мелодия, какая-то поразительная целостность. Раньше он не думал и не верил, что будет не молодым, немного боялся этого, а потом это зазвучало гордо, почти гимном. Просто он всё сделал так, как надо, в этой жизни, не солгал и не предал себя в самый ответственный момент...

Молодой человек стоял посреди Университетской площа-

ди и набирал телефонный номер.

– Привет, мам. Как дела? Ты деду не звонила? Я звоню, он трубку не берёт. Он вчера поехал на дачу за грибами. Думаю, мне надо съездить проверить – всё ли в порядке...

Бывший лейтенант и инженер, а нынче почётный пенсионер и прадедушка действительно приехал на дачу, чтобы рано утром сходить по грибы. Дорога немного утомила, и он с удовольствием прилёг на небольшой диванчик на веранде и сладко-сладко заснул...

Тёплое, разливающееся по всему небосводу сияние солнца обнимало невысокие городские домики. Необыкновенное спокойствие и размеренность царствовали повсюду в этот ранний утренний час. Стояла самая середина лета...

* * *

Может, где-то здесь,

Может, где-то там,

Знаю точно, – есть

Заповедный храм.

Он такой, как ты,

Он такой, как я,

В нём твои мечты,

В нём найдёшь себя.

И не надо слов –

*Будь готов отдать
Всю свою любовь,
Радость, благодать.
Ты войдёшь туда
Светлый и нагой,
Чистый, как вода,
Тихий, как покой.
И не будет мук,
Пролетевших лет,
Ты увидишь звук,
Ты услышишь свет.
Знаю, – где-то здесь
Храм твоей мечты.
Он, конечно, есть,
Если в нём есть ты.*

Наступила пауза. На миг воцарилась темнота, а потом возникло свечение, подобное тому, которое появляется в конце фильма, когда заканчивается основная плёнка и идёт её обреза́к. Кресты, мерцание и потрескивание длились, как казалось, буквально полминуты, не более...

* * *

Дверь долго не поддавалась, сопротивлялась натиску честно и упорно, до последнего оберегая того, кто оказался за ней, но вот наконец-то одна петля не выдержала, хруст-

нула и поддалась, дверь немного наклонилась, охнула и упала с грохотом на холодный каменный пол большой квадратной комнаты, посреди которой возвышался огромный, как древняя космическая пирамида, стог слегка подгнившего, пахнущего ностальгическими нотками раннего детства сена. Десяток немецких солдат во главе с рыжеволосым, немного растерянным и взволнованным оберштурмбаннфюрером ворвались в помещение и попали в круг луча солнечного света, ниспадавшего из небольшого круглого окошка под потолком. Они вымотались и были готовы уничтожить и порвать беглеца, который доставил им столько лишних и столь ненужных уже теперь хлопот.

В самом уголке нижней части покосившегося стога они заметили фигуру почти нагого человека, лежавшего на животе в неестественной позе.

С криками и бранью они подбежали к нему и перевернули его с живота на спину. Перед ними лежал удивительно красивый, как будто немного улыбающийся, казалось, ещё даже с розовым румянцем на щеках мёртвый старик, в застывших, но удивительно картинных чертах лица которого словно через пелену или какой то местный, незнакомый туман читались нотки чего-то удивительно доброго, нежного, почти младенческого, совсем далёкого и удивительно близкого...

* * *

*Вечерняя аллея, осень, тают дни,
Ещё минут пятнадцать, и совсем уже стемнеет...
Минуты эти драгоценные, но оттого ещё ценнее,
Что бесконечно длинные они...*

03.01–03.06.2020

Камин

Будучи ещё совсем маленьким человечком, он очень любил смотреть на огонь в старом, тучном камине, который стоял в кабинете его дедушки. Этот жёлтый, постоянный и бесконечно разнообразный свет напоминал ему минуты рождения, тепло мамы, свет её улыбки и прикосновений. Он мог часами лежать в своей маленькой кроватке и любоваться этим чудом. Взрослые удивлялись тому, что малыш практически не плачет. Просто он был в постоянном общении и узнавал в эти дни очень и очень многое.

Потом, став побольше, он пробежал мимо дверей кабинета и в недоумении смотрел на то, как старик подолгу сидел, уставившись в одну точку, расположенную где-то в топке горящего камина. «Как же можно скучно и неинтересно проводить время. Ведь за окном и за дверью столько неповторимого, столько многоцветного. Ну как можно сидеть возле этой старой махины и смотреть бог знает на что?» С такими мыслями он выбежал во двор и допоздна гонял с ребятами по парку и окрестным улицам, рвал яблоки и играл в войнушку.

Потом он много учился и добивался своими силами немалых успехов. Дверь в дедушкин кабинет была постоянно закрыта, потому что дедушки к тому времени уже не стало, а старый камин никто не топил, и он стоял холодный и печальный в заброшенной временем и людьми комнате. Лишь раз

в неделю мама делала уборку, протирала камин от пыли. В эти минуты ему, верно, было немного приятно.

Потом молодой человек много и упорно работал и делал успешную карьеру. У него появились деньги, жена и очаровательные дети. Иногда в минуты блаженства он заходил в старый дедушкин кабинет, разжигал камин, любовался огнём и мечтал о своих будущих свершениях. Пламя напоминало ему бесконечность бытия, силу человеческого стремления и великие перспективы. Он мечтал догонять, перегонять, удивлять и наслаждаться достигнутым.

Время неслось быстро. Достижения на работе и в жизни достигли своего апогея и перестали будоражить и радовать душу. Он всё чаще заходил в комнату с камином, чтобы просто посидеть возле открытого огня.

Дети выросли быстро и покинули родное гнездо. Работа закончилась, и началась пенсионная жизнь. Лишь жена и старый терьер напоминали ему о том, что существует что-то земное. Он практически не выходил из дедушкиного кабинета, разжигал камин и смотрел на языки оранжевого пламени. В эти мгновенья он понимал, что существует только его душевная наполненность и огонь, который своим тихим потрескиванием подтверждал, что многое, что было сделано в этой жизни, было сделано не зря. Миг начала и приближение конца ощущались единым мгновеньем, как будто часы секундной стрелкой сделали «И... раз». Но в душе его был багаж и ощущение, что миг его жизни на самом деле близок

к вечности. Он понял, что очень прост, и практически незащищён, и раздет. Всё сложное, проблемное и такое важное вышло из представления его «мига жизни». Остались только вздох, улыбка младенца, мамины тепло и аромат, понимание всей важности простых и добрых поступков, которых было немного в его жизни, но которые всё-таки были и создали вес его души. И вот вес его души и пламя старого камина продолжали вести неспешный диалог и практически слились друг с другом. Уже сложно было различить, где он, а где огонь. Наступало то, что и должно было наступить, – понимание того, что камин – это то, к чему он шёл всю свою жизнь. И никогда он ещё не был так честен, и никогда ещё не было такого чёткого понимания бесконечного пламени и бесконечного преобразования того удивительного грамма добра и света, которым наполнилась душа старого человека. Ему казалось, что он наконец услышал Голос.

19.04.2020

Яблоко

Жило-было на свете яблоко. Не то чтобы оно было огромным или очень румяным, но, в общем-то, вполне себе средним и внешне приятным фруктом. Висело оно на веточке и часто задумывалось о том, что происходило вокруг него. «Солнышко. Огромное, тёплое. Но, в общем-то, бестолковое. Уж совсем бы не хотело бы быть ни солнцем, ни небом, ни луной, ни звёздами, ни чем-то подобным. А уж эта земля подо мной. Фу, какая гадость. Чёрная, никчёмная, лежащая. То ли дело – я. Вишу себе между небом и землёй. Никого не боюсь, ни от кого не завишу. Вот только соседи мои – яблочки и побольше, и порумянее. Ах, если бы мне стать таким же, как они! Больше ничего и не надо в жизни».

Так висело яблочко долго-долго, пока однажды не налетел на яблоневого сад сильный порыв ветра. Закачалось яблочко, задрожало от страха, вцепилось в веточку, но так и не удержалось и упало на чёрную, мокрую землю, которая так не нравилась ему. Прошло несколько недель. Пожухло яблочко, намокло, прогнило да и стало через некоторое время сырой, грязной землёй. Лежала эта самая земля, смотрела на небо и по сторонам. Уж очень не нравилось ей ни солнце, ни небо, ни луна. «Вот уж бестолковщина, – рассуждала она. – Всё – полная ерунда, а особенно эти никчёмные яблочки надо мной. Какой от них толк? Вот я... И трава на мне

растёт, и букашки по мне бегают, и червячки меня щекочут, и дурацкие корни этой самой бесполезной яблони объедают меня. Вот беда. Вот если бы мне стать поплодороднее, чтобы росли на мне красавицы ели да сосны... Вон ведь соседняя земелька и почище, и получше... А больше ничего и не надо в этой жизни».

26.04.2020

Игра слов (эссе)

Спаси и сохрани

Везде, где появлялся он, расцветали вишни и яблони, а облака испуганно убегали, освобождая свет ненавязчивому августовскому солнцу; водители автомобилей лихо подмигивали ему, а бродячие коты подходили ближе и даже кормились у него с руки. Дети бежали за ним по переулкам, а он делал из бумаги самолётики и пускал их в бездонную синеву небес. А когда он поднимался по лестнице, все соседи открывали двери, выходящие на лестничные клетки, и здоровались просто и откровенно. Уже поздно вечером он подходил к маленькой иконке, стоящей на письменном столе, и тихонько шептал: «Господи, спаси и сохрани их, спаси и сохрани...»

2004

Запах улиц

Во дворе на Божедомке пахло свежими арбузными корками, а в подворотне на Арбате – заношенными мужскими носками. На Манежке пахло свежевыкрашенными лавками, а на Рождественке – ладаном и старинными храмами. На Кутузовском и Комсомольском стоял запах прибывших составов и незнакомых людей, а в Рыбном действительно держался аромат копчёной рыбы и пахло илистой водой. На Красной стабильно держался душок старых, тронутых новым, кирпичей и солдатских отдраенных сапог. На Воробьёвых пахло любовью, а на Пироговской – лекарствами и смертью, и лишь в Безымянном переулке пахло ничем, там никто не жил, да, в сущности, его никогда и не было...

2004

Фуникулёр

На фуникулёре он поднимался всё выше и выше. Под ним извивалась зелёная полоса лесополосы. Прыгали и шевелились весёлые, разноцветные точки, именуемые в миру людьми. Точки становились всё меньше и меньше и уже практически слились с бескрайним иссиня-зелёным блинообразным пространством, окаймлённым дымчатой линией горизонта. Фуникулёр со скрипом полз и полз вверх. Старый, но уже хорошо приработанный механизм пыхтел, перемещая его в совершенно иную сферу понимания происходящих событий. Постепенно начало стираться такое понятие, как пространство. Когда он перестал различать тёмные и светлые стороны Земли, для него стёрлось такое понятие, как время, тем более что старенькие кварцевые часы давно остановились. Его душу переполняло какое-то иное, доселе невиданное и непознанное ощущение – ощущение того, что он и несущаяся вверх коляска фуникулёра и есть мир, а всё остальное – сгинувшее и несуществующее нечто. Сон обнял его ласковой ладонью, погладил по тёплой голове; он зевнул и ступил на ровное и гладкое плато золотого цвета, наполненное улыбками и добрыми взглядами...

Точка

Я прекрасно помню, как мы с тобой расстались. Это была замечательная ранняя осень.

На следующий день я послал тебе СМС, где сказал, что очень люблю тебя, и поставил жирную точку.

Я шёл по перрону станции «Арбатская» и видел твои глаза, при этом жирная точка, поставленная мною в письме к тебе, очень мучила меня. Я шёл и грустил, но вдруг неожиданно грусть сменилась на улыбку, и я шёл и улыбался. Внезапно все окружающие меня люди вдруг представились мне настолько родными и любимыми, что мысленно я начал обнимать их и гладить по головкам. Неожиданно я почувствовал, как начинаю расти, что мои маленькие сограждане уже постепенно уходят из поля моего зрения, что потолок метрополитена рассекается надо мной, и я начинаю расти к небу, параллельно я пытаюсь обнимать и ласкать всех людей, которые ещё попадают под мои увеличивающиеся руки. Я начинаю видеть войны, я нежно касаюсь пальцами воюющих, и они становятся добрыми и спокойными, я уже дотрагиваюсь рукой до Земли, начинается какое-то непонятное движение света, я чувствую, что лечу куда-то вверх, начинается движение по спирали, я вижу круглые, объёмные тела, наверное, это планеты, я трогаю их пальцами и плачу от счастья, я вижу взрывы и вспышки, наверное, это важные вселенские про-

цессы, затем звук сливается со светом и я уже не существую сам по себе, а сливаюсь с ними, начинается что-то совсем непонятное, одновременно я вижу себя идущим по станции «Арбатская», себя кружащим в пространстве и времени, себя впитывающим какую-то информацию, которую постепенно начинаю расшифровывать, постепенно я понимаю, что вся окружающая меня информация уже доступна моему пониманию. Я продолжаю идти по станции «Арбатская» и одновременно урегулирую все мировые конфликты, движусь в пространстве и уже сам являюсь пространством. Я начинаю контролировать процессы мироздания, которые выстраиваются передо мной калейдоскопом, неожиданно я чувствую, что кто-то ещё, какие-то подвластные мне силы начинают участвовать во всех процессах. И эти волшебные силы – тоже я, при этом я всё ещё иду по станции «Арбатская» и вижу твои глаза – самые главные, самые важные в этом мире глаза. Точки больше не существует, её просто нет...

2005

Ошибка

Недавно мне дали новый номер телефона, а старый забрали. Забрать забрали, но никому не отдали. Временами, находясь на рабочем месте, чисто механически набираю хорошо знакомую комбинацию цифр и жду ответа на другом конце провода. Но на самом деле на другом конце провода – тишина. И гудки, которые раздаются в моей трубке, – только лишь обман. Кто-то и зачем-то обманывает меня для того, чтобы я верил, что вот-вот кто-то подойдет к тому, теперь уже неизвестному концу провода и ответит. Не важно что, да и не настолько важно кто, главное, что ни того ни другого на самом деле не произойдет. Эта случайная, механическая ошибка – звонок в никуда. Но если кто-то когда-то услышит, как вдруг зазвучит тишина там, в несуществующем уже прошлом, пожалуйста, ответьте мне, снимите трубку аппарата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.